

КУБАНСКИЙ КРАЙ

Издательство „КАЗБЕКЪ“

№ 344—22.

Сергѣя КАЗАРОВА.

Екатеринодары уголъ Екатеринин. и Борзиков. ул., соб. домъ. ТЕЛЕФОНЪ № 493.

Владимирскыи уголъ Московской и Мещанской ул., соб. домъ. ТЕЛЕФОНЪ № 187.

Екатеринодаръ.

ЯНВАРЬ

10 28 10

ПЯТНИЦА

Годъ изд. II-й

1911 г.

Ф. М. Достоевскій.

-----«««:~::~:»»»-----

Настоящій годъ является для величайшаго нашего писателя-психолога Федора Михайловича Достоевскаго юбилейнымъ двойнымъ: 30 лѣтъ со дня рожденія и 30 со дня смерти. На сегодня, 28-го января, выпадаетъ именно этотъ второй юбилей.

Родился Ф. М. въ Москвѣ. Отецъ его—военный врачъ при больницѣ,—по строгости, аккуратности и постоянному внушенію дѣтима и идеи постоянного труда представлялъ собою черты, мало похожія на русскія,—скорѣе на помѣсь англійскихъ съ нѣмецкими. О матери—кромѣ обычныхъ женскихъ чертъ: хозяйственности и релігіозности—біографы писателя почти ничего не говорятъ.

Будущій писатель росъ мальчикомъ необычайно живымъ, съ изобрѣтательнымъ умомъ, съ горячностью при мальчишескихъ играхъ и шалостяхъ. Очень рано пристрастился къ чтенію. Воспитывался въ пансіонѣ и лишь по праздникамъ бывалъ дома. Въ небольшомъ имѣніи отца онъ проводилъ лѣто и близость къ природѣ и крестьянамъ оставила въ немъ навсегда пріятныя воспоминанія. 17-ти лѣтъ поступилъ въ «либеральное» инженерное училище. Здѣсь военная дисциплина тяжело отягчалась на болѣзненно-нервномъ юношѣ; товарищей онъ чуждался, весь отдавалъ чтенію. Далѣе—офицерство, математика, чертежныя работы входить въ столкновение съ его стремленіемъ къ литературѣ. Тысячи плановъ сорывали въ головѣ, мечталось о славѣ и обезпеченности, набрасывались отдельные штрихи «Вѣднихъ людей». Прослуживъ 3 года, онъ выходитъ въ отставку (1844 г.) а черезъ годъ да были напечатаны въ «Отеч. Зап.» «Вѣдние люди». Бѣлинскій и Некрасовъ были потрясены сразу

блеснувшимъ талантомъ. За первымъ романомъ послѣдовали «Двойникъ», «Неточка Незванова» и др. погѣты и разсказы.

Весною 1849 г. Ф. М. былъ арестованъ по дѣлу Петраневскаго («заговоръ идей»). Основнымъ пунктомъ обвиненія было чтеніе имъ въ кружкѣ нѣтънаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю. За арестомъ слѣдовали: 8 мѣсяцевъ Петронавловки, выслуша-

ніе смертнаго приговора и помилованія, 4 года каторги и солдатина въ сибирскомъ баталіонѣ. Лишь въ 1858 г. ему разрѣшили печатать свои произведенія. Въ 61 г. получивъ разрѣшеніе жить въ СПБ., онъ начинаетъ редактировать основанный его братомъ Михаиломъ журналъ «Время», до закрытія его въ 63 г. Начались тяжелыя времена, лившіяся, впрочемъ, продолженіемъ постѣ-каторж-

ныхъ невзгодъ и нужды. Жена (Ф. М. женился въ 57 г. въ Сибири) медленно умирала, самъ онъ хворалъ, приходилось много писать, денегъ не было. «Эпоха», замѣнявшая черезъ 8 мѣсяцевъ «Время», не имѣла материальнаго успѣха послѣднего и журналъ черезъ годъ допнулъ, поклевши за собой массу хлопотъ и большіе долги. Въ 64 г. умерла жена, въ 65 близкій по духовнымъ и практическимъ связямъ братъ. Въ этомъ же г. онъ создалъ «Преступленіе и наказаніе» к-ое появилось въ печати въ 68 г. Черезъ 2 года послѣ смерти жены онъ женится вторично. Затѣмъ его начинаютъ усиленно тѣснить кредиторы и онъ удираетъ за границу, гдѣ 4 года продолжаетъ тяжелыя скитанія, полныя моральныхъ униженій и нужды.

Въ 71 г. онъ возвращается въ СПБ. Теперь матеріальныя обстоятельства стали лучше. Работа пошла успѣшнѣе. Въ 73 г. онъ опять занялся журналистикой, редактировалъ «Гражданинъ» Менцера, а въ 76 началъ выходить отдѣльно печатанъ въ этомъ журналѣ «Дневникъ писателя», имѣвшій громадныя успѣхи. Въ немъ онъ, кромѣ общаго и литературнаго матеріала, проводилъ славянофильскія идеи. Въ 1880 г. на Пушкинскомъ праздникѣ (открытіе памятника въ Москвѣ) онъ произнесъ замѣчательную по экспрессіи художественности и анализу рѣчи о значеніи Пушкина. Рѣчь эта разошлась въ тысячахъ экз. Въ томъ-же году напечатана была его «Лебедина гѣсь», наиболѣе выдающееся его произведеніе—«Братья Карамазовы». Въ слѣдующемъ году Ф. М. умеръ.

(1821—1881—1911 г.г.).

Психологъ-мистикъ.

(Памяти Ф. М. Достоевскаго).

I. Оцѣнка всякаго большого писателя. II. Элементы литературы, творчества вообще и выборъ Достоевскаго. III. Остальные элементы въ его романахъ. IV. Характеръ его психологическаго анализа. V. Общее содержаніе его творчества. VI. Идеи, имъ исповѣдуемыя. VII. Достоевскій-журналистъ и профессиональный характеръ его писаній. VIII. Цѣльность Достоевскаго.

«...слабую въ художественномъ отношеніи, но интересную по глубинѣ психологическаго анализа».

(Проф. Кириллинковъ).

I.

Оцѣнка всякаго большого писателя—національная и міровая, есть дѣло многихъ десятилѣтій. Въ условіяхъ своего времени—и читателя и критику гипнотизируетъ злободневность даннаго творчества или его преобладающее значеніе среди другихъ, аналогичныхъ по силѣ и качеству творчествовъ.

И только со временемъ, когда вырастаютъ неизвѣстно все новые и новые ряды читателей, когда критика накопляетъ массу цѣсныхъ комментариевъ,—тогда только появляется полная и радостная увѣренность, что писатель принадлежит не исключительно эпохѣ, а вѣку по меньшей мѣрѣ.

И то и другое, имѣя въ виду Достоевскаго, палицо. Наша близость по времени къ нему не исключаетъ возможности уже и теперь правильно оцѣнить его литературное наслѣдство и увѣренно записать его на золотую доску нашей литературы.

II.

Быть, художественность и психологія человека—вотъ тѣ три вѣта, которые составляютъ собою сущность искусства слова.

Природа скупа на универсальныхъ гениевъ и потому рѣдко бываетъ, чтобы одинъ и тотъ же поэтъ, романистъ, драматургъ являлся одновременно—и правдивымъ бытовикомъ, и безупречнымъ художникомъ, и тонкимъ психологомъ.

Если, напримѣръ, Пушкинъ всецѣло выполнилъ эту триаду и даетъ массу разнообразнаго матеріала, къ ней относящагося, то уже Лермонтовъ, обладавъ громадной художественной изобразительностью, почти совсѣмъ не бытовикъ, а въ области психологіи не универсально-объективенъ, а односторонне-субъективенъ.

Конечно, у всякаго, признаннаго большого писателя есть въ наличности сверхъ-минимумъ всѣхъ трехъ указываемыхъ чертъ, но преимущественное углубленіе одной изъ нихъ—своего рода литературный законъ, обязательный для творца слова и идей. Иллюстраціей этому—сколько угодно!

Талантъ Достоевскаго избралъ этимъ преимущественнымъ объектомъ творчества психологію человека.

II, какъ обладатель характера глубокаго, болѣзненно-пытливаго и настойчиваго во своихъ исканіяхъ, Достоевскій довелъ въ своихъ романахъ психологическій анализъ до невиданной вообще въ міровой литературѣ глубины и всесторонности. Онъ открылъ, напередъ въ психологіи человека

сѣверъ и югъ, востокъ и западъ, верхи святости и низы невыразимой подлости.

III.

Соотвѣтственно необычайному усилению въ его произведеніяхъ элемента психологическаго, понижена степенъ бытовой и художественной изобразительности.

Быть, правда, вѣщаетъ подчасъ ярко, мощно («Видные люди», «Братья Карамазовы»), но онъ, подобно психологизму Лермонтова, не захватываетъ большого раиона, не исчерпываетъ даже определенной группы.

Что же касается художественности, то общее критическое мнѣніе держится относительно всѣхъ почти его романовъ, взгляда, аналогичнаго эпитафійной этой статьи: «...слабо въ художественномъ отношеніи, сильно въ психологическомъ».

Но позволительно спросить: необходимо ли для большого творца этого самаго слова обичайный художественный аршинъ, если парочко созданный глубокой психологическій анализъ достигаетъ такого совершенства, что якобы нехудожественные штрихи не обращаютъ на себя вниманія и всецѣло покрываются, претворяются этимъ анализомъ?

Я хочу сказать, что своеобразная форма его психологическихъ казней и ихъ глубина съ излишкомъ выкупаютъ длинноты, ненужные, эпизодическіе персонажи, а подчасъ и невѣрность бытовыхъ положеній.

Смѣло можно утверждать, что творчество Достоевскаго безусловно художественно, соотвѣтственно своей формѣ и содержанію. Мы читаемъ его съ неменьшею захватывающимъ интересомъ, чѣмъ величайшаго художника слова—Льва Толстого.

Слѣдовательно, шой, болѣе совершенной художественности, при избранныхъ писателемъ формѣ и содержанію, быть, пожалуй, и не можетъ.

Правда, профессиональный характеръ его писаній романовъ (точно заданный урокъ!) отразился на внѣшней ихъ художественности. Но едва ли подобные романы могли быть созданы имъ исподволь: слишкомъ волновала его идея, пока она не воплотилась цѣлкомъ; говорить о техническихъ дефектахъ, какъ о дефектахъ художественности, это значитъ умалять общее значеніе и самую сущность его творчества.

IV.

Отличительнымъ моментомъ психологическихъ казней Достоевскаго является незначительность промежутка времени, въ который остро и больно обнажается вся пропасть души, исчерпывается въ его описаніи до конца.

Въ думахъ, колебаніяхъ, при страданіи или въ радости любого героя обнаруживается полностью его характеръ. Необычайно тонкій, подчасъ болѣзненно углубленный извѣданный психологіи человека выявляются то въ видѣ данной исповѣди, то въ незамѣтно прорвавшейся жестѣ, въ выраженіи лица, то въ поступкѣ, котораго, по внѣшнимъ даннымъ, никакъ нельзя было ожидать отъ разбираемаго характера.

Несомнѣнно, что при такой ужасной глубинѣ анализа души должны были у автора проявляться крайности, преувеличенія. Но эта угловатость иныхъ чертъ лишь помогаетъ уяснить себѣ человѣческую природу вообще.

Есть, впрочемъ, въ психологическихъ анализахъ Достоевскаго черта, которую надо усиленно подчеркнуть.

Я назыву ее мистическимъ психологизмомъ.

Суть ея въ томъ, что ко всякому движению души онъ подходитъ, какъ библейскій первосвященникъ къ «святой святыхъ». Его отношеніе къ душѣ было приблизительно (въ схемѣ) таково, какъ его отпа къ жизни: парочко серьезное, преданчиво почтительное.

Онъ не смотритъ полу-легкомысленными глазами эллина на суть межъ-человѣческихъ (т. е. отчасти психологическихъ) отношеній, но и не зараженъ формальной серьезностью пуританина. Онъ идетъ дальше пуританина и дальше представителей средневѣковья во взглядѣ на душу, такъ какъ его уваженіе къ ея движеніямъ глубоко, серьезно и—главное—необычайно искренне.

Достоевскій какъ бы отличается чуть ли не отъ всѣхъ людей приданіемъ душевнымъ движеніямъ почти излишней серьезности, пожалуй исключительныхъ даже для интеллигентнаго человека страданій по поводу явленной для многихъ обыденныхъ, привычныхъ, а потому потерявшихъ свою боль.

Но, повторяю, въ этомъ «мистическомъ психологизмѣ»—весь секретъ его стихійно-одинокима гения.

V.

Для иллюстраціи его исключительно психологическаго творчества нелишне упомянуть о самомъ содержаніи послѣдняго.

Нравственные и физическія страданія униженныхъ и оскорбленныхъ въ этомъ мірѣ; страданія еще болѣе униженной и оскорбленной человѣческой личности въ «Мертвомъ домѣ»; еще разъ вопиющая пужда, преступленіе изъ-за нея и новыя страданія разбуженной совѣсти; снова преступленіе, развратъ, мученія и исканія религіознаго «я»; полный кротости и любви образъ и царящіе кругомъ него большая любовь, развратъ, страданія духа изъ-за денегъ, убійство и непрерывная цѣпь извѣстнаго мучительства; разбросанные всюду подвиги любви и самоотреченія...

Развѣ изъ этого бѣлаго перечня не вылетитъ содержаніе творчества великаго психолога?

Развѣ кто нибудь до него встряхивалъ такъ мощно и больно всю красоту и всю муть человѣческой души, давалъ такую сплошную картину постыдныхъ и преступныхъ дѣйствій человека?

Развѣ кто нибудь до него могъ нарисовать такъ ярко, безъ всякой доли сентиментализма, одними реально-психологическими мазками, боль униженнаго существованія?

VI.

Надо тотчасъ же оговориться: подлость и злѣрство, преступленіе и всяческіе ужасы—не суть жизни, несмотря на свою сплошность. Сущность жизни въ очищеніи духа страданіемъ, въ стремленіи къ нравственной и физической чистотѣ, въ евангельской любви ко всему въ мірѣ.

Это—синтезъ Достоевскаго, это—его міросозерцаніе, которое вдругъ торжествуетъ на днѣ человѣческаго духа и тѣла, которое прорывается всюду, не убиваемое ни каторгой, ни карамазовщиной.

Какъ субъективныя и національныя частности, скрываются подъ этимъ синтезомъ: его величайшее преклоненіе передъ красиво-стихійной религіозностью народа, передъ его нравственной силой и исключительной совѣстливостью. Частностью же являются: идея рока, толкающая человѣ-

ка на преступленія и униженія и славнофильскія тенденціи.

VII.

Много разъ указывалось, что въ славной плеядѣ нашихъ классиковъ-романистовъ Достоевскій—единый, сдѣлавшій свою литературную работу профессіей, кускомъ хлѣба (правда, очень тяжелымъ и скуднымъ!).

Въ данномъ случаѣ мнѣ это нужно отмѣтить потому, что внѣшняя профессиональная спѣшность наложила нѣкоторую печать на количество мелкихъ дефектовъ въ его романахъ. Но этотъ же профессионализмъ является прекраснымъ измѣрителемъ степени таланта писателя, который, работая на заказъ, на спѣхъ, изъ-за пужды, создалъ въ этой работѣ великіе шедевры психологическаго анализа.

—Эхъ! писалъ бы, какъ Тургеневъ!—жаловался Достоевскій, страдавъ отъ спѣшки и отсутствія регулярности въ работѣ.

Но мыслящее человечество окажется судьей не снисходительнымъ, а только справедливымъ: оно признало и «несовершенные» (по мнѣнію автора) труды шедеврами.

Какъ журналистъ, въ своемъ «Дневникѣ писателя» Достоевскій проявилъ себя столь же глубокимъ, какъ и въ романахъ. Изъ всѣхъ произведеній этого рода, «Дневникъ писателя» выдается своимъ превосходствомъ по мягкому свѣту любви и милосердія и тому же мистически-внимательному отношенію къ серьезнымъ вопросамъ жизни.

VIII.

Полноправнымъ онъ вошелъ въ русскую литературу, впервые только шагнулъ. И все дальнѣйшее время онъ былъ своеобразенъ въ избранной «спеціальности», оставаясь ей вѣрнымъ до конца дней.

Безъ малѣйшаго уклоненія въ стороны, онъ оставилъ послѣ себя литературное наслѣдство, отъ страницы до страницы проникнутое одними и тѣми же идеями, объединенными въ единый лозунгъ: *любовь, кротость, справедливость*.

Если Левъ Толстой своею жизнью и своими исканіями далъ намъ совершенный типъ мятущейся русской души,—то Достоевскій далъ въ своихъ романахъ самый процессъ этого «хожденія души по мукамъ».

С. Груздевъ.

Иванъ Карамазовъ.

1.

Достоевскаго называютъ «большимъ» талантомъ. Нельзя ничего имѣть противъ этого названія. Большой талантъ, ну, и слава Богу! Здоровыхъ талантовъ нѣтъ. Всѣ таланты—больные таланты и болѣзнь, это основной признакъ талантливости. Болѣзнь знаменуетъ собой мученія, а отраженіе мученій въ литературѣ и искусствѣ только и можетъ дать яркое. Развѣ Пушкинъ и Лермонтовъ были здоровыми, больше—развѣ они были менѣе больными, чѣмъ Достоевскій? Развѣ лучшее въ жизни, развѣ гениальное въ ней не болѣзное? И если бы человечество было здоровымъ, а не больнымъ, если бы у него не было мученій, сопроложающихъ его болѣзнь, у него не было-бы ничего. На почвѣ сытнаго довольства, на почвѣ адоровой удовлетворенности не прорастаютъ яркіе цвѣты гениальнаго.

2

КУБАНСКИЙ КРАЙ

№ 22

И не хочу здоровых талантов, и не хочу отяжеления ихъ удовлетворенности, и не хочу ограниченности.

Что я читалъ бы тогда?

— Можно читать и «читать». Вѣрнѣе читать и прочитывать. Надо прочитать то, что принесетъ послѣдняя книжка журнала, послѣдній альманахъ. Надо прочитать, чтобы знать о чемъ пишутъ, прочитать и забыть. Но нельзя только прочитывать, надо что нибудь и читать. А гдѣ мы все знаемъ, что изъ современнаго читать почти ничего, все прочитывается и забывается.

И чтобы мы дѣлали, если бы у насъ не было Достоевскаго, не было его большого таланта, не было «Братьевъ Карамазовыхъ».

Вотъ Брандесъ бросилъ намъ упрекъ—зачѣмъ вы увлекаетесь Гамсуномъ, когда онъ только плохой подражатель вашего Достоевскаго, какую цѣнность можетъ имѣть Гамсунъ, когда у васъ Достоевскій. А развѣ мы не знаемъ, что другой большой талантъ на своихъ полкахъ постоянно держалъ Достоевскаго и испещрялъ поля его произведеній своими пометками. Я говорю о Ницше.

Тридцать лѣтъ прошло со дня смерти большого таланта, а онъ не только все еще живъ, все еще съ нами, не только... Теперь мы только начинаемъ доростать до его пониманія, поскрестиать его образы, говорить о нихъ.

Черезъ тридцать лѣтъ художественный театръ инсценируетъ «Братьевъ Карамазовыхъ», инсценируетъ и говоритъ: у васъ въ современной литературѣ нѣтъ ничего, что достойно было бы художественной сцены. И о «Братяхъ Карамазовыхъ» говорить, о «Братяхъ Карамазовыхъ» писать, читаютъ лекціи...

2.

Кто такой Иванъ Карамазовъ? Кто такой этотъ страшный больной человѣкъ, эта невѣроятная выдуманная фигура, отцеубійца, предатель своего брата, въ дерзости дошедшій до утвержденія принципа: «все позволено»? Кто такъ болѣзненно ярко провидѣлъ въ немъ великій романтизмъ и почему надолго приковалъ къ нему наше вниманіе?

Въ дни большого спора въ литературѣ о реализмѣ и символизмѣ, я всегда думалъ о Достоевскомъ. Пытался въ спорѣ встать на сторону однихъ или другихъ, я задавалъ себѣ вопросъ—кто же онъ? Символизмъ или реализмъ? И тутъ мнѣ становилась ясной вся безплодность, вся ненужность этого спора. Истинный талантъ не знаетъ границъ между реальнымъ и символическимъ, реальное и символическое сливается у него въ одно цѣлое—художественный образъ.

Художникъ мыслить образами, это—азбучная истина. И вотъ вопросъ: кто такой Карамазовъ разбирается просто: это—художественный образъ, это—символь.

Споръ о символизмѣ и реализмѣ возможенъ только тогда, когда въ литературу пролѣзаетъ безталанность подъ маской вульгарнаго натурализма, или плохо сшитыхъ аллегорій-загадокъ. Споръ родила безталанность, которая наводила литературу «символическими» произведеніями съ ярлыкомъ: это символизмъ. Это былъ не символизмъ, это были аллегорій-загадки. Критика и читатель занимались разгадываніемъ загадокъ: что хотѣлъ этимъ сказать писатель?

Что это за писатель, господа, котораго надо разгадывать, какъ ребусъ изъ «Нивы», что это за писатель, который своимъ символизмомъ не можетъ захватить, поразиить, не можетъ приковать къ символу! Чувствую весь этотъ заглохшій споръ о символизмѣ и реализмѣ, ибо никогда литература не будетъ ребусомъ изъ «Нивы», никогда она не станетъ исключительнымъ достояніемъ натурализма. По прежнему въ ней символическое и реальное будетъ тѣсно и необходимо переплетаться въ одно цѣлое.

Иванъ Карамазовъ, это—символь. Иванъ Карамазовъ, который утверждаетъ, что нѣтъ безсмертія и добродѣтели, что «все позволено», даже убійство отца, который убиваетъ отца, вовсе не затѣмъ, что ему надо убить изъ корыстныхъ видовъ, а затѣмъ, чтобы утвердить идею «все позволено», Иванъ Карамазовъ, у котораго идеаль—«войти въ церковь и поставить свѣчку отъ чистаго сердца», «воплотиться въ семипудовую кунчиху и всему пообрѣть, по что она обрѣтъ», Иванъ Карамазовъ, душа котораго «душа—русскаго просвѣщеннаго

атеиста, смѣшаннаго съ душой пророка Іоны, будировавшаго по чреву китовъ «три дня и три ночи», это—символь русскаго интеллигента. Нѣтъ, даже не интеллигента, а всей русской интеллигенціи, и не той только эпохи, въ которую жилъ Достоевскій. Развѣ тогда, когда думаете вы объ Иванѣ Карамазовѣ, въ нашемъ представленіи не встаютъ другія мятушіяся русскія души, охваченныя одной идеей, одной мыслью и утверждающіе ее? Развѣ въ немъ Достоевскій не провидѣлъ уже образа того человѣка, который одной рукой совершенно спокойно бросалъ подъ карету *человѣка* бомбу, другой принималъ крестъ и надѣвалъ его на шею. Развѣ Иванъ Карамазовъ, бросающій вызовъ Богу и одновременно хотящій войти въ церковь и «поставить свѣчку отъ чистаго сердца» не данъ еще и сейчасъ?

Не въ тѣхъ напѣвахъ, конечно, которые опощали и опощаютъ все, которые надѣвали тоги «богоборцевъ» и «богоискателей», которые играли подъ Достоевскаго. Онъ живъ въ полнѣйшемъ духѣ русской интеллигенціи, все еще большой, все еще жагущей впереди своего народа, уменьшенной, правда, количественно. Но она, мечущаяся отъ одной полярности къ другой живетъ жизнью своего духа и въ дни «Сатириконовъ» и «Синихъ журналовъ», въ дни пошлаго хохота и беззубаго наисничанія, въ дни, когда въ ряды литературы вошли и борцы. Въ эти дни особенно приятно вспомнить Достоевскаго и углубиться въ страницы, которыя наканунѣ своей смерти который разъ перечитывалъ Л. Н. Толстой...

Н. Суховыхъ

— ««« : : »»» —

Авторское право.

Въ обыденной жизни понятія о литературной собственности и авторскомъ правѣ смѣшиваются. Между тѣмъ эти понятія—опредѣленія двухъ совершенно различныхъ категорій имущественнаго права.

Литературная собственность, какъ и вообще всякая собственность, исторически появилась въ сѣдой древности, когда отъ свободнаго пользованія благами земли человечество перешло къ нормированному тѣмъ или инымъ кодексомъ правилъ отгѣленію «своего» отъ «чужого», появилось стремленіе однихъ это чужое сдѣлать своимъ, а другихъ—оградить свое право на исключительную собственность. Если человекъ купилъ себѣ книгу, хотя бы собраніе сочиненій Ф. М. Достоевскаго, то онъ имѣетъ право держать ихъ у себя, давать другимъ для прочтенія—бесплатно или за плату, можетъ, наконецъ, уничтожить эти книги. Это—его право собственности.

Но свѣтъ кони съ этихъ книгъ при посредствѣ того или иного множительнаго аппарата (типографіи, литографіи, гектографа, мимеографа и т. п.) этотъ собственникъ клятв права не имѣетъ. Последнее право—въ большомъ числѣ копій выпускать книгу—принадлежитъ только автору книги или кому онъ добровольно передаетъ или передаетъ свое право. Это уже не **собственность** на книгу, а **авторское право** на нее. Собственность даетъ право **распоряжаться извѣстною вещью**, а авторское право—даетъ **монополию на извѣстнаго рода дѣйствіи**.

Такимъ образомъ въ объемѣ предмета собственности гораздо болѣе ограничена, тѣмъ авторское право, простирающееся не только на реально существующее, но и на возможное. Зато во времени обратное отношеніе: если владѣлецъ книги можетъ считать ее собственностью своей и своихъ наследниковъ вѣчно, пока позволяетъ непреклонный законъ тѣнны (мы знаемъ о существованіи очень старыхъ, нѣскольконѣконыхъ по времени существованія книгъ), авторское право законоположеніями громаднаго большинства государствъ ограничено определенными сроками, колеблющимися между 80 годами послѣ смерти автора (Испанія, Колумбія) и 5 годами (Чили).

Большинство современныхъ законодательствъ признаетъ 50-лѣтній послѣ смерти автора срокъ охраны его правъ. Русскіе законы опредѣляютъ этотъ срокъ также въ 50 лѣтъ, но этотъ законъ издавъ только въ 1857 году, а до него съ 1828 г. существовалъ 25-лѣтній и условный 35-лѣтній срокъ. Такимъ образомъ, основаніи